

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Татаринцева Регина Игоревна

старший преподаватель, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
regina_tatarinceva@mail.ru

DISTANCE LEARNING IN TERMINOLOGICAL ASPECT

R. Tatarintseva

Summary: In the modern educational context, the use of the terms "distance learning" and "digital learning" often becomes a subject of confusion, which can lead to a deterioration of the educational process. This article examines the importance of using correct terms and understanding their meanings deeply for the long-term development of distance learning and education as a whole. The author identifies problems associated with the incorrect use of terms and ambiguity in their interpretation, and discusses the consequences of such confusion for the educational process. In conclusion, the article emphasizes the necessity of clear definition and use of terminology to ensure the effectiveness and efficiency of distance learning in modern education.

Keywords: distance learning, educational technologies, flexibility in education, educational terminology, digital learning, education sustainability.

Аннотация: В современном образовательном контексте употребление терминов «дистанционное обучение» и «цифровое обучение» часто становится объектом путаницы, что может привести к ухудшению образовательного процесса. Эта статья рассматривает важность использования правильных терминов и глубокого понимания их значения для долгосрочного развития дистанционного обучения и образования в целом. Автор выявляет проблемы, связанные с неправильным использованием терминов и неоднозначностью их толкования, а также обсуждает последствия такой путаницы для образовательного процесса. В заключение статьи подчеркивается необходимость четкого определения и использования терминологии для обеспечения понимания многоаспектности дистанционного обучения в современном образовании.

Ключевые слова: дистанционное обучение, образовательные технологии, гибкость обучения, образовательная терминология, цифровое обучение, устойчивость образования.

Общий взгляд на проблему

В Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», принятом 29 декабря 2012 года, впервые появляется термин «электронное обучение», что является значительным прогрессом в области образовательной терминологии. Это включение указывает на перспективное направление развития образования и предполагает размышления о возможных будущих сценариях, в которых развитие технологий может изменить традиционные роли преподавателей.

Спекулятивно можно предположить, что появление электронного обучения может ознаменовать трансформационную эру, в которой традиционная модель классной комнаты претерпит существенные изменения. С развитием современных технологий искусственного интеллекта возникает возможность автоматизированных методов обучения, которые могут радикально изменить образовательный ландшафт. Эти размышления провоцируют критическое исследование будущего педагогики и последствий интеграции технологий в образовательную среду. Такие размышления являются важными для исследователей, стремящихся понять многоаспектную динамику современного образования и его взаимосвязь с новыми технологиями.

В течение предыдущего года 2023 года автор этих замечаний часто сталкивалась с мнением, что проблемы, связанные с дистанционным обучением, были разрешены опытом, отошли на второй план и стали несущественными. По моему мнению, такие оценки являются очень преждевременными. Да, возможно, угроза пандемии коронавируса была преодолена, хотя локализованные медицинские проблемы продолжают быть видимыми и вызывают обеспокоенность в обществе повсеместно.

Однако суть проблемы кроется в другом. Именно в том, что дистанционное обучение, прошедшее обширное исследование и «тестирование» на всех уровнях образовательной системы страны в предыдущие годы, на текущем этапе развития общества приобретает силу и расширяется. Таковы реальности, технические возможности и даже требования современной эпохи.

В 2023 году онлайн-обучение и использование платформ Zoom продолжали сталкиваться с множеством проблем. Несмотря на прогресс технологий, такие из них, как плохое интернет-соединение, сбои программного обеспечения и проблемы совместимости устройств, оставались распространенными. Это могло мешать и мешало нормальному ходу занятий и взаимодействию между преподавателями и обучающимися. Кроме того, долгие периоды онлайн-обучения часто приводили к

цифровой усталости, вызывая напряжение глаз, головные боли и снижение концентрации как у студентов, так и у преподавателей.

Другие проблемы включали отсутствие активной вовлеченности учащихся, неравные возможности доступа к необходимым ресурсам и устройствам, а также ограниченные возможности социального взаимодействия в онлайн-среде. Это выдвигало серьезные требования к профессиональному обучению преподавателей и защите данных студентов. Решение этих проблем требовало совместных усилий образовательных учреждений, законодателей, поставщиков технологий и других заинтересованных сторон, чтобы обеспечить доступность, вовлеченность и успех студентов в онлайн-среде обучения.

Исследование терминологии

Дистанционное образование, удаленное обучение и цифровая инструкция представляют собой современные способы образовательной деятельности. Эти термины стали общепринятыми как в профессиональном дискурсе, так и в журналистском языке, часто используемые с нюансированными коннотациями. Например, широко распространённое выражение «дистантка» несет в себе подразумеваемый пренебрежительный оттенок, в отличие от более формальных выражений, таких как «в рамках дистанционного обучения».

Несмотря на их распространенность, терминология, связанная с этими понятиями, не имеет стандартизированных антонимичных аналогов. Термины, такие как «контактное образование» или «аудиторное обучение», могут выступать в качестве потенциальных антонимов, но их использование остается менее устоявшимся.

Рассматривая эти определения, становится очевидным, что синонимические и антонимические отношения в образовательной терминологии сложны и многогранны. Многообразие терминов и их разнообразные коннотации могут скорее затемнять, чем улучшать терминологическую точность. Поэтому важно достичь ясности и последовательности в определении этих образовательных модальностей для академического дискурса и педагогической практики. «Distant learning» обычно означает форму образования, при которой студенты и преподаватели физически находятся на расстоянии друг от друга, часто географически, и обучение осуществляется удаленно. Эта форма обучения может включать различные методы, такие как корреспонденция, онлайн-курсы или видеоконференции.

С другой стороны, «цифровое обучение» включает в себя более широкое понятие, которое охватывает использование цифровых технологий и ресурсов в образовании. В то время как дистанционное обучение явля-

ется одним из аспектов цифрового обучения, цифровое обучение также может включать гибридные модели обучения, при которых используются как онлайн-, так и очные занятия, а также интеграцию цифровых инструментов и платформ в традиционные классы.

По сути, дистанционное обучение – это конкретный метод предоставления образования удаленно, в то время как цифровое обучение охватывает более широкий спектр образовательных подходов, использующих цифровые технологии для улучшения процесса обучения и обучения, независимо от того, проводится ли обучение удаленно или очно.

Конечно, существует пересечение между этими двумя терминами и разнообразием сценариев и процессов, которые они охватывают. Однако смешение и перекокс в терминологии могут нанести вред образовательному процессу, поскольку эти концепции далеко не одинаковы.

Явление, действие, определение, термин

Терминологический канон представляет собой сложную структуру, включающую определенный набор материалов, инструментов и правил, тщательно собранных для создания когерентных текстов, основанных на точных определениях и легко узнаваемых читателем. Он служит основой эффективного общения в различных областях знаний, обеспечивая ясность, последовательность и взаимопонимание среди профессионалов и заинтересованных сторон.

В области лингвистических исследований современный «Словарь русского языка» представляет собой всестороннее хранилище лексических знаний, предлагая понимание нюансов и сложностей использования языка. В его страницах явление определяется как действие, происходящее от глагола «явиться», охватывая внешнее проявление сущности объектов и процессов. Оно включает любое заметное выражение, будь то материальное или абстрактное, раскрывая многогранный характер явлений, наблюдаемых в мире вокруг нас [5, Т.4, 778].

Углубляясь в его определения и интерпретации, словарь раскрывает тонкости лингвистических явлений, разгадывая слои значения и проливая свет на тонкие нюансы, формирующие наше понимание языка и коммуникации. Через тщательный анализ и ученую строгость он предоставляет бесценные инсайты в динамичное взаимодействие между языком, мыслью и выражением, обогащая наше понимание сложной структуры человеческой коммуникации.

Таким образом, в обширном мире лингвистических исследований терминологический канон и исследовательские выводы, представленные авторитетными лингви-

стическими источниками, такими как «Словарь русского языка», служат неотъемлемыми инструментами для исследователей, педагогов и любителей языка, способствуя более глубокому восприятию и пониманию сложностей, присущих использованию и интерпретации языка.

Действие, как определено Щукиным А.Н. в «Лингводидактическом энциклопедическом словаре», представляет собой более чем простую задачу: оно воплощает в себе сложную структуру психологических элементов, направленных на достижение определенной и узнаваемой цели [6, 70]. Эта структура включает различные компоненты, такие как общая цель, движущий мотивацию за действием, метод или подход, используемый для выполнения задачи, и результат или последствие. Это подчеркивает динамичный и целенаправленный характер человеческого поведения, акцентируя осознанное усилие и намеренность, вовлеченные в выполнение действий [6, 72]

Более того, концепция «деятельности», как объяснено в том же словаре, расширяет понятие действия, подчеркивая взаимодействие между индивидами и их окружающей средой. В отличие от изолированных действий, деятельность предполагает непрерывное взаимодействие с внешним миром, где люди активно формируют и преобразуют как своих окружающих, так и самих себя. Этот интерактивный процесс соответствует структуре «субъект-объект», где люди действуют как агенты, инициирующие изменения в своей среде.

Перейдя к понятию «определения», как описано в «Словаре русского языка», это служит лингвистическим инструментом для пояснения сущности и характеристик определенного явления или понятия. Определения предоставляют краткую и точную формулировку, описывающую основные черты рассматриваемого объекта. Они обеспечивают ясность и понимание, предоставляя сжатое описание, которое помогает разграничить и выделить концепцию вопроса от других связанных терминов или идей [5, Т.2, 629].

В общем как действие, так и определение представляют собой фундаментальные аспекты человеческого познания и общения. В то время как действие воплощает динамический и целенаправленный характер человеческого поведения, определение служит лингвистическим механизмом для передачи значения и понимания в определенном контексте. Вместе эти концепции способствуют нашему пониманию и интерпретации мира вокруг нас, облегчая эффективное общение и взаимодействие в обществе.

В дополнение к его буквальному переводу, термин «terminus» несет в себе коннотации демаркации и определения. В лингвистическом контексте «terminus» представляет собой языковую границу, где одно понятие

или идея заканчивается, а другое начинается. В области специализированной терминологии «terminus» служит как языковой маркер, указывающий на определенное понятие или явление в конкретной области изучения или дискурсе. Более того, назначение термина не произвольно, а тесно связано с его определением, обеспечивая четкое и краткое понимание концепции, которую он представляет. Таким образом, термин выступает как языковой опорный пункт, укореняющий дискурс и облегчающий коммуникацию в данной области [3, 349].

Обзор научных исследований по проблеме

Область дистанционного обучения, характеризующаяся обширным корпусом научной литературы, развивалась без чрезмерного влияния терминологических дискуссий или полемических обсуждений. Эта научная устойчивость обоснована приоритетом прагматических применений и педагогических императивов в этой области, особенно в ответ на беспрецедентные вызовы, порожденные глобальной пандемией и последующей необходимостью массовой самоизоляции. Более того, философские основы дистанционного обучения, хотя и едва затронутые и в основном непроанализированные, представляют собой плодородную почву для будущих исследований, требующую строгого анализа и научного внимания.

Как определено в Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», термин «электронное обучение» представлен рядом с «дистанционным обучением», хотя и с нюансами различий. Однако данный нормативный каркас не полностью охватывает широту и сложность области дистанционного обучения. Важным вкладом в эту дискуссию является научная работа А.А. Савастьиной, чья статья 2015 года всесторонне анализирует эти нюансы, проливая свет на концептуальные особенности электронного обучения и одновременно разясняя многофакторные аспекты дистанционного образования. Этот научный труд не только способствует концептуальной ясности в области электронного обучения, но и подчеркивает сложную и эволюционирующую природу дистанционного образования, обогащая наше понимание его теоретических основ и практических приложений.

Дистанционное обучение полностью снимает ограничения с типа доставки материала от обучающего к обучаемому, и наоборот. Электронное обучение подразумевает что весь дидактический материал будет держаться в электронном виде, потенциально «приправленный» интерактивными тестами, опросами, играми и т.п. [4, 178].

Несмотря на это, дискутируя понятие термина «дистанционное обучение» с другими исследователями,

А.А. Савастыина пришла к иному мнению. В контрасте с мнением В.Г. Домрачевева, который определял дистанционное обучение как следующий шаг в заочном обучении на базе разнообразных аудио- и видеотехнологий. В другом источнике Е.С. Полат дал определение этому феномену, акцентируя внимание на обмене информацией между учениками, а также педагогом и учениками, опираясь на плотное использование новейших технологий [4, 179].

Вероятно, самое интересное и полноценное трактование «дистанционного обучения» дали сотрудники Московского государственного университета экономики, статистики и информатики [в 2015 г. МЭСИ вошёл в структуру РЭУ им. Г.В. Плеханова. – Р.Т.], констатируя факт, что дистанционное обучение, это такой формат обучения, который не зависит от физических и временных особенностей, иными словами, находится вне обычных территориальных ограничений, присущих очному обучению [4, 179].

Признавая определенную сложность в понимании предложенного определения МЭСИ, становится ясно, что точка зрения А.А. Савастыиной очень основательна. В каждой научной или прикладной дисциплине существует точный лексикон, включающий специфическую терминологию, формулы и определения. Следовательно, становится необходимым углубиться в тонкие различия и нюансы ключевых концепций, таких как «дистанционное обучение» и «дистанционное образование», а также «электронное обучение» и «цифровое обучение». Заметно, что в широких кругах специалистов в области образования эти термины часто сводятся к простым синонимам, объединенным под общим знаменателем последнего и оптимального термина «дистанция», происходящего из эпохи дистанционного обучения в период самоизоляции во время пандемии коронавируса.

Интересный аспект этой дискуссии касается содержания в рамках научных исследований. Рассматривая одну из научных статей [2], А.А. Савастыина подчеркивает, что ее «соавторы [Орлова Е.Р. и Кошкина Е.Н. – Р.Т.] обращают внимание на тонкую разницу, что в статье специально исследуется и оценивается явление дистанционного обучения, отличное от более широкого концепта дистанционного образования. Исключение дистанционного образования из анализа обусловлено его нынешним восприятием как в сущности неэффективного и потенциально вредного, не способствующего достижению индивидуального потенциала» [1, 12-13].

Погружаясь все глубже в понимание этих различий, особенно с позиции внутреннего наблюдателя, я чувствую все большее стремление поддержать авторов цитированных мной источников. Фундаментальная точка зрения А.А. Савастыиной, сосредоточенная вокруг концепции «дистанционного обучения», глубоко резонирует,

особенно учитывая современный образовательный ландшафт, где электронные системы взаимодействия, основанные на компьютерных технологиях, являются основным каналом для распространения образовательного контента.

Более того, можно предположить о перспективах развития искусственного интеллекта, которые уже проявляют себя в образовательной сфере. Потенциальная интеграция искусственного интеллекта в платформы дистанционного обучения обещает революционизировать педагогические методологии, дополнительно усиливая эффективность и доступность дистанционного образования.

Тем не менее, среди этих многообещающих достижений необходимо признать значительный недостаток, присущий как дистанционному обучению, так и дистанционному образованию: последующее ослабление когнитивных и совместных взаимодействий в образовательной среде. Несмотря на технологические инновации, облегчающие дистанционное обучение, отсутствие физического взаимодействия и общения лицом к лицу уменьшает глубину когнитивного обмена и препятствует формированию крепких межличностных отношений, необходимых для комплексного образовательного опыта.

Заключение

В мире науки и практики каждая дисциплина оперирует в рамках структурированной системы точной терминологии и определений. В этом контексте понятие «дистанционное обучение» выступает в качестве центрального элемента, предлагая нюансированное понимание современных образовательных парадигм. С точки зрения автора, этот термин включает в себя сущность удаленного обучения в сегодняшнем динамичном ландшафте.

Чтобы подчеркнуть эту позицию, необходимо погрузиться в этимологию термина. Префикс «теле-», встречающийся в составных словах, таких как «телевидение» и «телекоммуникации», происходит от греческого слова «тёле», означающего удаленный или далекий. Этот лингвистический корень подчеркивает пространственный аспект, присущий понятию расстояния, акцентируя разделение между двумя точками взаимодействия. Точно так же латинский термин «distantia» выражает идею пространственного разделения между начальной и конечной точками движения. В образовательном контексте это пространственное измерение относится к физическому и временному расстоянию между педагогом и учащимся, преподавателем и студентом, что является ключевым аспектом при разработке и реализации методик дистанционного обучения.

Более того, техническое формулирование опреде-

ления «дистанционное обучение», как это выражено в МЭСИ, гармонично соотносится с широким концептуальным каркасом, изложенным выше. Это соответствие служит для подтверждения точности и актуальности термина в контексте современного образования.

Кроме того, следует отметить, что эффективность дистанционного обучения зависит от использования современных технологий электронных телекоммуникаций. Эти технологические достижения составляют основу систем дистанционного образования, обеспечивая беспрепятственное общение и взаимодействие между педагогами и учащимися на протяжении больших пространственных и даже географических расстояний.

В контексте сказанного необходимо уточнить, что понятие «формат», как и равнозначные, упомянутые выше, «рамки» и «параметры» дистанционного обучения, успевшие закрепиться в соответствующей расхо-

жей фразеологии, имеют смысловую нагрузку лишь при определении их содержания в значении какой, какие... На мой взгляд, они могут быть, например, лекционными, «семинарскими, контрольно-проверочными, зачётными и т.п. И даже – экзаменационными!

Можно уверенно сказать и о том, что понятие «дистанционное обучение» очень логично чувствует себя в таком привычном и вековечном фразеологическом ряду, как очное, дневное, вечернее, заочное, целевое и индивидуальное обучения.

При этом следует подчеркнуть, что формулирование определения «дистанционное обучение» в рамках русского языка придает этому понятию дополнительный культурный и лингвистический контекст, что обогащает наше понимание термина и подчеркивает его значимость в широком образовательном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горева, О.М., Осипова, Л.Б. Современное состояние дистанционного образования в российском вузе. // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №2. – <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20810>.
2. Орлова Е.Р., Кошкина Е.Н. проблемы развития дистанционного обучения в России. // Приоритеты России. – 2013. – №23.
3. Русский язык. / Энциклопедия. Гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 432 с.
4. Савастыина, А.А. Проблемы внедрения дистанционного обучения в образовательный процесс. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №19 (374). Философия. Социология. Культурология. Вып. 37. С.178-181.
5. Словарь русского языка в четырех томах. Гл. ред. А.П. Евгеньева. Т.2 и Т.4. – М.: Русский язык, 1985- 1988.
6. Щукин, А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. / А.Н. Щукин. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. – 748, [4] с.

© Татаринцева Регина Игоревна (regina_tatarinceva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»